

Александр Абрамов
Сергей Абрамов

ВСАДНИКИ НИОТКУДА

ТРИЛОГИЯ

Санкт-Петербург

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Абрамов А., Абрамов С.

А 16 Всадники ниоткуда : Трилогия : романы / Александр Абрамов, Сергей Абрамов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 736 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27633-8

В 1967 году в московском журнале «Смена» был опубликован научно-фантастический роман Александра и Сергея Абрамовых «Всадники ниоткуда», отца и сына. Роман был взрывом в восприятии тогдашних читателей. Советская полярная экспедиция. Глыбы льда, вырезаемые из арктического покрова неизвестно кем и отправляемые неведомо куда. Таинственные розовые облака над планетой, не подчиняющиеся законам физики. Двойники людей, появляющиеся и исчезающие бесследно. Нет, увы, не бесследно: двойники начинают появляться по всей земле, мало того, появляются города-фантомы, в которых эти дубли людей живут и творят собственную историю. Инопланетный разум исследует человечество. Какая его цель — неизвестно...

Через год появилось продолжение «Всадников» — роман «Рай без памяти», через десять лет окончание трилогии — роман «Серебряный вариант».

Если в первой книге герои только лишь начинают приближаться к контакту с непонятной нездешней силой, что посетила нашу планету, то в следующих романах трилогии они вступают в решительную борьбу с последствиями слепого эксперимента, навязанного нам чужаками извне.

По мнению некоторых читателей, «Град обреченный» (1975) братьев Стругацких — реплика на роман А. и С. Абрамовых «Рай без памяти». Возможно, спорить не станем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

© А. И. Абрамов, С. А. Абрамов
(наследник), 1967, 1968, 1978

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27633-8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЗОВЫЕ ОБЛАКА

Глава 1

КАТАСТРОФА

Снег был пушистым и добрым, совсем не похожим на жесткий, как наждак, кристаллический фирн полярной пустыни. Антарктическое лето, мягкий, веселый морозец, который даже уши не щиплет, создавали атмосферу почти туристической прогулки. Там, где зимой даже лыжи самолета не могли оторваться от переохлажденных кристалликов снега, наш тридцатипятитонный снегоход шел, как «Волга» по московскому кольцевому шоссе. Вано вел машину артистически, не притормаживая даже при виде подозрительных ледяных курчавостей.

— Без лихачества, Вано, — окликнул его Зернов из соседней штурманской рубки. — Могут быть трещины.

— Где, дорогой? — недоверчиво отозвался Вано, всматриваясь сквозь черные очки в поток ослепительного сияния, струившийся в кабину из ветрового иллюминатора. — Разве это дорога? Это проспект Руставели, а не дорога. Сомневаетесь? В Тбилиси не были? Все ясно. Мне тоже.

Я вылез из радиорубки и подсел на откидной стульчик к Вано. И почему-то оглянулся на столик в салоне, где подводил какие-то свои метеорологические итоги Толька Дьячук. Не надо было оглядываться.

— Мы присутствуем при рождении нового шофера-любителя, — противно хихикнул он. — Сейчас кинолог будет просить руль у Вано.

— А ты знаешь, что такое кинолог? — огрызнулся я.

— Я только научно объединяю твои специальности кинооператора и киномеханика.

— Идиот. Кинология — это собаководение.

— Тогда я исправляю терминологическую ошибку.

И поскольку я не ответил, он тотчас же продолжил:

— Тщеславие тебя погубит, Юрочка. Двух профессий ему уже мало.

Каждый из нас в экспедиции совмещал две, а то и три профессии. Гляциолог по основной специальности, Зернов мог заменить геофизика и сейсмолога. Толька объединял обязанности метеоролога, фельдшера и кока. Ваню был автомехаником и водителем специально сконструированного для Заполярья снегохода-гиганта, да еще умел починить все — от лопнувшей гусеницы до перегоревшей электроплитки. А на моем попечении, кроме съемочной и проекционной камер, была еще и радиорубка. Но к Ваню меня тянуло не тщеславное желание увеличить ассортимент специальностей, а влюбленность в его «Харьковчанку».

При первом знакомстве с ней с борта самолета она показалась мне красным драконом из детской сказки, а вблизи, с ее выдающимися вперед в добрый метр шириной лапами-гусеницами и огромными квадратными глазами-иллюминаторами, — созданием чужого, инопланетного мира. Я умел водить легковую машину и тяжелый грузовик и с разрешения Ваню уже опробовал снегоход на ледяном припае у Мирного, а вчера в экспедиции не рискнул: день был хмурый и ветреный. Но сегодняшнее утро так манило своей хрустальной прозрачностью...

— Уступи-ка руль, Ваню, — сказал я, стиснув губы и стараясь на этот раз не оглядываться. — На полчаса.

Ваню уже поднимался, когда его остановил оклик Зернова:

— Никаких экспериментов с управлением. Вы отвечаете за любую неисправность машины, Чохели. А вы, Анохин, наденьте очки.

Я тотчас же повиновался: Зернов как начальник был требователен и непреклонен, да и небезопасно было смотреть без защитных очков на мириады искр, зажженных холодным

солнцем на снежной равнине. Только у горизонта она темнела, сливаясь с размытым ультрамарином неба, а вблизи даже воздух казался сверкающе-белым.

— Взгляните-ка налево, Анохин. Лучше в бортовой иллюминатор, — продолжал Зернов. — Вас ничто не смущает?

Налево метрах в пятидесяти вздымалась совершенно отвесная ледяная стена. Она была выше всех известных мне зданий; даже нью-йоркские небоскребы, пожалуй, не дотянулись бы до ее верхней пушистой каемки. Блестяще-переливчатая, как лента алмазной пыли, она темнела внизу, где слоистый, слежавшийся снег уже смерзался в мутноватый и жесткий фирн. А еще ниже обрывалась высоченная толща льда, будто срезанная гигантским ножом и голубевшая на солнце, как отраженное в зеркале небо. Только ветер внизу намел двухметровым длиннющим сугробом каемку снега, такую же пушистую, как и на самом верху ледяной стены. Стена эта тянулась бесконечно и неотрывно, где-то пропадая в снежной дали. Казалось, могучие великаны из сказки возвели ее здесь для неизвестно что охраняющей и неизвестно кому угрожающей такой же сказочной крепости. Впрочем, лед в Антарктиде никого не удивит ни в каких очертаниях и формах. Так я и ответил Зернову, внутренне недоумевая, что могло заинтересовать здесь гляциолога.

— Ледяное плато, Борис Аркадьевич. Может быть, шельфовый ледник?

— Старожил, — усмехнулся Зернов, намекая на мой уже вторичный визит к Южному полюсу. — Вы знаете, что такое шельф? Не знаете? Шельф — это материковая отмель. Шельфовый ледник спускается в океан. А это не обрыв ледника, и мы не в океане. — Он помолчал и прибавил задумчиво: — Остановите, Ваню. Посмотрим поближе. Интересный феномен. А вы оденьтесь, товарищи. Не вздумайте выбегать в свитерах.

Вблизи стена казалась еще красивее — неправдоподобный голубой брус, ломоть смерзшегося неба, отрезанный от горизонта. Зернов молчал. То ли величие зрелища подавляло его, то ли его необъяснимость. Он долго вглядывался в снежную

кайму на гребне стены, потом почему-то посмотрел под ноги, притоптал снег, разбросал его ногой. Мы наблюдали за ним, ничего не понимая.

— Обратите-ка внимание на снег под ногами, — вдруг сказал он.

Мы потоптались на месте, как и он, обнаружив под тоненьким слоем снега толщщу льда.

— Каток, — сказал Дьячук. — Идеальная плоскость, не иначе как сам Евклид заливал.

Но Зернов не шутил.

— Мы стоим на льду, — продолжал он задумчиво. — Снега не больше двух сантиметров. А посмотрите, сколько на стене. Метры. Почему? Один и тот же климат, одни и те же ветры, одни и те же условия для аккумуляции снега. Есть какие-нибудь соображения?

Никто не ответил. Зернов просто размышлял вслух:

— Структура льда, видимо, одинакова. Поверхность тоже. Впечатление искусственного среза. А если снести этот сантиметровый слой под ногами, обнаружится такой же искусственный срез. Но ведь это бессмыслица.

— Все бессмыслица в царстве Снежной королевы, — назидательно заметил я.

— Почему королевы, а не короля? — спросил Ваню.

— Объясни ему, Толя, — сказал я. — Ты же специалист по картам. Что у нас рядом? Земля королевы Мэри. А дальше? Земля королевы Мод. А в другом направлении? Земля королевы Виктории.

— Просто Виктории, — поправил Толька.

— Она была королевой Англии, эрудит из института прогнозов. Кстати, из области прогнозов: не на этой ли стене Снежная королева играла с Каем? Не отсюда ли он вырезал свои кубики и складывал из них слово «вечность»?

Дьячук насторожился, предполагая подвох.

— А кто это — Кай?

— О боги, — вздохнул я, — почему Ганс Христиан Андерсен не предсказывал погоду? Знаешь, какая разница между ним и тобой? В цвете крови. У него голубая.

— Голубая, между прочим, у спрутов.

Зернов нас не слушал.

— Мы примерно в том же районе? — вдруг спросил он.

— В каком, Борис Аркадьевич?

— Там, где американцы наблюдали эти облака?

— Много западнее, — уточнил Дьячук. — Я проверял по картам.

— Я сказал: примерно. Облака обычно передвигаются.

— Утки тоже, — хихикнул Толька.

— Не верите, Дьячук?

— Не верю. Даже смешно: не кучевые, не перистые. Кстати, сейчас никаких нет. — Он посмотрел на чистое небо. — Может быть, орографические? Они похожи на оплавленные сверху линзы. А розоватые от солнца. Нет, густо, жирно-розовые, как малиновый кисель. Много ниже кучевых, не то надутые ветром мешки, не то неуправляемые дирижабли. Глупости!

Речь шла о загадочных розовых облаках, о которых сообщили по радио из Мак-Мердо американские зимовщики. Облака, похожие на розовые дирижабли, прошли над островом Росса, их видели на земле Адели и в районе шельфового ледника Шеклтона, а какой-то американский летчик столкнулся с ними в трехстах километрах от Мирного. Радист-американец лично от себя добавил принимавшему радиogramму Коле Самойлову: «Сам видел, будь они прокляты! Бегут по небу, как диснеевские поросята».

В кают-компании Мирного розовые облака не имели успеха. Скептические реплики слышались чаще, чем замечания, свидетельствовавшие о серьезной заинтересованности. Король хохмачей Жора Брук из клуба веселых и находчивых атаковал флегматичного старожил-сейсмолога:

— О летающих блюдцах слышали?

— Ну и что?

— А о банкете в Мак-Мердо?

— Ну и что?

— Провожали в Нью-Йорк корреспондента «Лайф»?

— Ну и что?

— А за ним в редакцию розовые утки вылетели.

— Пошел знаешь куда?

Жора улыбался, подыскивая следующую жертву. Меня он обошел, не считая себя, видимо, достаточно вооруженным для розыгрыша. Я обедал тогда с гляциологом Зерновым, который был старше меня всего на восемь лет, но уже мог писать свою фамилию с приставкой «проф.». Что ни говори, а здорово быть доктором наук в тридцать шесть лет, хотя эти науки мне, гуманитарии по внутренней склонности, казались не такими уж важными для человеческого прогресса. Как-то я выложил это Зернову.

В ответ он сказал:

— А знаете, сколько на Земле льда и снега? В одной только Антарктиде площадь ледяного покрова зимой доходит до двадцати двух миллионов квадратных километров, да в Арктике одиннадцать миллионов, плюс еще Гренландия и побережье Ледовитого океана. Да прибавьте сюда все снежные вершины и ледники, не считая замерзающих зимой рек. Сколько получится? Около трети всей земной суши. Ледяной материк вдвое больше Африки. Не так уж малозначительно для человеческого прогресса.

Я «съел» все эти льды и снисходительное пожелание хоть чему-нибудь научиться за время пребывания в Антарктике. Но с тех пор Зернов отметил меня своим благосклонным вниманием и в день сообщения о розовых облаках, встретившись со мной за обедом, сразу предложил:

— Хотите совершить небольшую прогулку вглубь материка? Километров за триста.

— С какой целью?

— Собираемся проверить американский феномен. Мало правдоподобная штука — все так считают. Но поинтересоваться все-таки надо. Вам особенно. Снимать будете на цветную пленку: облака ведь розовые.

— Подумаешь! — сказал я. — Самый обыкновенный оптический эффект.

— Не знаю. Категорически отрицать не берусь. В сообщении подчеркивается, что окраска их якобы не зависит от освеще-

щения. Конечно, можно предположить примесь аэрозоля земного происхождения или, скажем, метеоритную пыль из космоса. Впрочем, меня лично интересует другое.

— А что?

— Состояние льдов на этом участке.

Тогда я не спросил почему, но вспомнил об этом, когда Зернов раздумывал вслух у загадочной ледяной стены. Он явно связывал оба феномена.

В снегоходе я подсел к рабочему столику Дьячука.

— Странная стена, странный срез, — сказал я. — Пилой, что ли, ее пилили? Только при чем здесь облака?

— Почему ты связываешь? — удивился Толька.

— Не я связываю — Зернов связывает. Почему он, явно думая о леднике, вдруг о них вспомнил?

— Усложняешь ты что-то. Ледник действительно странный, а облака ни при чем. Не ледник же их продуцирует.

— А вдруг?

— Вдруг только лягушки прыгают. Помоги-ка лучше мне завтрак приготовить. Как думаешь, омлет из порошка или консервы?

Я не успел ответить. Нас тряхнуло и опрокинуло на пол. «Неужели летим? С горы или в трещину?» — мелькнула мысль. В ту же секунду страшный лобовой удар отбросил снегоход назад. Меня отшвырнуло к противоположной стенке. Что-то холодное и тяжелое свалилось мне на голову, и я потерял сознание.

Глава 2 ДВОЙНИКИ

Я очнулся и не очнулся, потому что лежал без движения, не в силах даже открыть глаза. Очнулось только сознание, а может, подсознание — смутные, неопределенные ощущения возникали во мне, и мысль, такая же неопределенная и смутная, пыталась уточнить их. Я утратил весомость, казалось, плыл или висел даже не в воздухе и не в пустоте, а в каком-то бесцветном, тепловатом коллоиде, густом и неощутимом

и в то же время наполнявшем меня всего. Он проникал в поры, в глаза и в рот, наполнял желудок и легкие, промывал кровь, а может быть, сменил ее круговорот в моем теле. Создавалось странное, но упрямо не оставлявшее меня впечатление, будто кто-то невидимый смотрит внимательно сквозь меня, ощупывая пытливым взглядом каждый сосудик и нервик, заглядывая в каждую клеточку мозга. Я не испытывал ни страха, ни боли, спал и не спал, видел бессвязный и бесформенный сон и в то же время знал, что это не сон.

Когда сознание вернулось, кругом было так же светло и тихо. Веки поднялись с трудом, с острой колющей болью в висках. Перед глазами стройно взмывал вверх рыжий, гладкий, точно отполированный ствол. Эвкалипт или пальма? А может быть, корабельная сосна, вершины которой я не видел: не мог повернуть головы. Рука нащупала что-то твердое и холодное, должно быть камень. Я толкнул его, и он беззвучно откатился в траву. Глаза искали зелень газона в подмосковном саду, но он почему-то отливал охрой. А сверху из окна или с неба струился такой ослепительно-белый свет, что память сейчас же подсказывала и безграничность снежной пустыни, и голубой блеск ледяной стены. Я сразу все вспомнил.

Преодолевая боль, я приподнялся и сел, оглядываясь вокруг и все узнавая. Коричневый газон оказался линолеумом, рыжий ствол — ножкой стола, а камень под рукой — моей съемочной камерой. Она, должно быть, и свалилась мне на голову, когда снегоход рухнул вниз. Тогда где же Дьячук? Я позвал его, он не ответил. Не откликнулись на зов Зернов и Чохели. В тишине, совсем не похожей на тишину комнаты, где вы живете или работаете — всегда где-то капает вода, поскрипывает пол, тикают часы или жужжит залетевшая с улицы муха, — звучал только мой голос. Я приложил ручные часы к уху — они шли. Было двадцать минут первого.

Кое-как я поднялся и, держась за стену, подошел к штурманской рубке. Она была пуста — со стола исчезли даже перчатки и бинокль, а со спинки стула — зерновская меховая куртка. Не было и журнала, который вел Зернов во время

пути. Вано тоже пропал вместе с рукавицами и курткой. Я заглянул в передний иллюминатор — наружное стекло его было раздавлено и вмято внутрь. А за ним белел ровный алмазный снег, как будто и не было никакой катастрофы.

Но память не обманывала, и головная боль тоже. В бортовом зеркале отразилось мое лицо с запекшейся кровью на лбу. Я ощупал рану — костный покров был цел: ребро съемочной камеры только пробило кожу. Значит, все-таки что-то случилось. Может быть, все находились где-то поблизости на снегу? Я осмотрел в сушилке зажимы для лыж — лыж не было. Не было и дюралюминиевых аварийных санок. Исчезли все куртки и шапки, кроме моих. Я открыл дверь, спрыгнул на лед — он голубовато блестел из-под сдуваемого ветром рыхлого снега. Зернов был прав, говоря о загадочности такого тонкого снежного покрова в глубине полярного материка.

Я огляделся и сразу все понял: рядом с нашей «Харьковчанкой» стояла ее сестра, такая же рослая, красная и запорошенная снегом. Она, вероятно, догнала нас из Мирного или встретилась по пути, возвращаясь в Мирный. Она же и помогла нам, вызволив из беды. Наш снегоход все-таки провалился в трещину; я видел в десяти метрах отсюда и след провала — темное отверстие колодца в фирновой корочке, затянувшей трещину. Ребята из встречного снегохода, должно быть, видели наше падение — а мы, очевидно, счастливо застряли где-нибудь в устье трещины — и вытащили на свет божий и нас самих, и наш злосчастный корабль.

— Эй! Кто в снегоходе?! — крикнул я, обходя его с носа.

В четырех ветровых иллюминаторах не показалось ни одно лицо, не отозвался ни один голос. Я вгляделся и обмер: у снегохода-близнеца было так же раздавлено и промято внутрь стекло крайнего ветрового иллюминатора. Я посмотрел на левую гусеницу: у нашего вездехода была примета — один из его гусеничных стальных рубцов-снегозацепов был приварен наново и резко отличался от остальных. Точно такой же рубец был и у этой гусеницы. Передо мной стояли не близнецы из одной заводской серии, а двойники, повторяющие друг друга не только в серийных деталях. И, открывая

дверь «Харьковчанки»-двойника, я внутренне содрогнулся, предчувствуя недоброе.

Так и случилось. Тамбур был пуст, я не нашел ни лыж, ни саней, только одиноко висела на крючке моя кожаная, на меху, куртка. Именно моя куртка: так же был порван и зашит левый рукав, так же вытерся мех у обшлагов и темнели на плече два жирных пятна — как-то я взялся за него руками, измазанными в машинном масле. Я быстро вошел в кабину и прислонился к стене, чтобы не упасть: мне показалось, что у меня останавливается сердце.

На полу у стола лежал я в том же коричневом свитере и ватных штанах, а лицо мое так же прильнуло к ножке стола, и кровь так же запеклась у меня на лбу, и рука так же цеплялась за съемочную камеру. Мою съемочную камеру.

Возможно, это был сон и я еще не проснулся и видел себя самого на полу, видел как бы вторым зрением? Щипком рванул кожу на руке — больно. Ясно: очнулся и не сплю. Значит, сошел с ума. Но из книг и статей мне было известно, что сумасшедшие никогда не предполагают, что помешались. Тогда что же это? Галлюцинация? Мираж? Я тронул стену — она была явно не призрачной. Значит, не призраком был и я сам, лежавший без чувств у себя же под ногами. Нелепица, нонсенс. Я вспомнил свои же слова о загадках Снежной королевы. Может быть, все-таки есть Снежная королева, и чудеса есть, и двойники-фантомы, а наука — это вздор и самоутешение?

Что же делать? Бежать сломя голову, запереться у себя в двойнике-снегоходе и чего-то ждать, пока окончательно не сойдешь с ума? Вспомнилось чье-то изречение: «Если то, что ты видишь, противоречит законам природы, значит виноват и ошибаешься ты, а не природа». Страх прошел, остались непонимание и злость, и я, даже не пытаясь быть осторожным, пнул ногой лежащего. Он застонал и открыл глаза. Потом приподнялся на локте, совсем как я, и сел, тупо оглядываясь.

— А где же все? — спросил он.

Я не узнал голоса — не мой или мой, только на магнитофонной записи. Но до какой степени он был мной, этот фантом, если думал о том же, придя в сознание!

— Где же они? — повторил он и крикнул: — Толька! Дьячук!

Как и мне, ему никто не ответил.

— А что случилось? — спросил он.

— Не знаю, — сказал я.

— Мне показалось, что снегоход провалился в трещину. Нас тряхнуло, потом ударило — должно быть, о ледяную стенку. Я упал... Потом... Куда же они все девались?

Меня он не узнавал.

— Ваню! — позвал он, поднимаясь.

И снова молчание. Все происшедшее четверть часа назад странно повторялось. Он, пошатываясь, дошел до штурманской рубки, потрогал пустое кресло водителя, прошел в сушилку, обнаружил там, как и я, отсутствие лыж и саней, потом вспомнил обо мне и вернулся.

— А вы откуда? — спросил он, вглядываясь, и вдруг отшатнулся, закрыв лицо рукой. — Не может быть! Сплю я, что ли?

— Я тоже так думал... сначала, — сказал я. Мне уже не было страшно.

Он присел на поролоновый диванчик.

— Вы... ты... простите... О черт... Ты похож на меня, как в зеркале. Ты не призрак?

— Нет. Можешь пощупать и убедиться.

— Тогда кто же ты?

— Анохин Юрий Петрович. Оператор и радист экспедиции, — сказал я твердо.

Он вскочил.

— Нет, это я Анохин Юрий Петрович, оператор и радист экспедиции! — закричал он и снова сел.

Теперь мы оба молчали, рассматривая друг друга: один — спокойнее, потому что видел и знал чуточку больше, другой — с сумасшедшинкой в глазах, повторяя, вероятно, все мои мысли, какие возникали у меня, когда я впервые увидел его. Да, в тишине кабины с одинаковой ритмичностью тяжело дышали два одинаковых человека.

Глава 3

РОЗОВЫЕ ОБЛАКА

Как долго это тянулось, не помню. В конце концов он заговорил первым:

- Ничего не понимаю.
- Я тоже.
- Не может же раздвоиться человек.
- И мне так казалось.

Он задумался.

- Может быть, есть все-таки Снежная королева?

— Повторяешься, — сказал я. — Об этом я раньше подумал. А наука — это вздор и самоутешение.

Он смущенно засмеялся, словно одернутый старшим товарищем. По отношению к нему я и был старшим. И тут же внес поправку, как говорится:

— Пошутили, и будет. Это какой-то физический и психический обман. Какой именно, я еще не могу разобраться. Но обман. Что-то ненастоящее. Знаешь что? Пойдем в рубку к Зернову.

Он понял меня с полуслова: ведь он был моим отражением. А подумали мы об одном и том же: уцелел ли при аварии микроскоп? Оказалось, что уцелел; стоял на своем месте в шкафчике. Не разбились и стеклышки для препаратов. Мой двойник их тут же достал из коробочки. Мы сравнили руки: даже мозоли и заусенцы у нас были одни и те же.

- Сейчас проверим, — сказал я.

Каждый из нас наколол палец, размазал кровь по стеклышку, и мы по очереди рассмотрели оба препарата под микроскопом. И кровь у обоих была одинаковой.

- Один материал, — усмехнулся он, — копия.

- Ты копия.

- Нет, ты.

— Погоди, — остановил его я, — а кто тебя пригласил в экспедицию?

- Зернов. Кто же еще?

- А с какой целью?

— Выспрашиваешь, чтобы потом повторить?
— Зачем? Сам могу тебе подсказать. Из-за розовых облаков, да?

Он прищурился, вспоминая о чем-то, и спросил с хитрецей:

— А какую ты школу кончил?
— Институт, а не школу.
— Я о школе спрашиваю. Номерок. Забыл?
— Это ты забыл. А я семьсот девятую кончил.
— Допустим. А кто у нас слева на крайней парте сидел?
— А почему, собственно, ты меня экзаменуешь?
— Проверочка. А вдруг ты Ленку забыл. Кстати, она потом замуж вышла.

— За Фибиха, — сказал я.

Он вздохнул:

— У нас и жизнь одинаковая.
— И все-таки я убежден: ты копия, призрак и наваждение, — окончательно обозлился я. — Кто первым очнулся? Я. Кто первым увидел две «Харьковчанки»? Тоже я.

— Почему две? — вдруг спросил он.

Я торжествующе хохотнул. Мой приоритет получал наглядное подтверждение.

— Потому что рядом стоит другая. Настоящая. Можешь полюбоваться.

Он прильнул к бортовому иллюминатору, растерянно взглянул на меня, потом молча натянул копию моей куртки и вышел на лед. Одинаково приваренный снегозацеп и одинаково промятое стекло иллюминатора заставили его нахмуриться. Он осторожно заглянул в тамбур, прошел к штурманской рубке и вернулся к столику с моей съемочной камерой. Ее он даже потрогал.

— Родная сестра, — сказал он мрачно.
— Как видишь. И она родилась раньше.
— Ты только очнулся раньше, — нахмурился он, — а кто из нас настоящий, еще не известно. Мне-то, впрочем, известно.

«А вдруг он прав? — подумал я. — Вдруг двойник и фантом совсем не он, а я? И кто это, черт побери, может определить,

если и ногти у нас одинаково обломаны, и школьные друзья одни и те же? Даже мысли дублируются, даже чувства, если внешние раздражители одинаковы».

Мы смотрели друг на друга, как в зеркало. И может же такое случиться!

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? — вдруг проговорил он.

— Знаю, — сказал я. — Пойдем посмотрим.

Я знал, о чем он подумал, потому что об этом подумал я сам. Если на льду оказались две «Харьковчанки» и не известно, какая из них провалилась в трещину, то почему иллюминатор разбит у обеих? А если провалились обе, то как они выбрались?

Не разговаривая, мы побежали к пролому в фирновой корке. Легли плашмя, подтянувшись к самому краю ледяной щели, и сразу все поняли. Провалился один снегоход, потому что был след падения только одной машины. Она застряла метрах в трех от края ледяной трещины, между ее суживающимися стенками. Мы увидели и ступени во льду, должно быть вырубленные Ваню или Зерновым, смотря кто первым сумел выбраться на поверхность. Значит, вторая «Харьковчанка» появилась уже после падения первой. Но кто же тогда вытащил первую? Ведь сама она из трещины выбраться не могла.

Я еще раз заглянул в пропасть. Она чернела, углубляясь, злоеющая и бездонная. Я подобрал кусок льда, отколовшийся от края трещины — вероятно, отбитый кайлом, которым вырубали ступени, — швырнул его вниз. Он тотчас же исчез из поля зрения, но звука падения его я не услышал. Мелькнула мысль: а не столкнуть туда и навязанного мне оборотня? Подскочить, схватить за ноги...

— Не воображай, что тебе это удастся, — сказал он.

Я растерялся сначала, потом сообразил.

— Сам об этом подумал?

— Конечно.

— Что ж, сразимся. Может, кто-нибудь и сдохнет.

— А если оба?

Мы стояли друг против друга, взбывченные, отбрасывая на снегу одинаковую тень. И вдруг обоим стало смешно.

— Фарс, — сказал я. — Вернемся в Москву, будут нас показывать где-нибудь в цирке. Два-Анохин-два.

— Почему в цирке? В Академии наук. Новый феномен, вроде розовых облаков.

— Которых нет.

— Посмотри. — Он показал на небо.

В тусклой его синеве качалось розовое облако. Одно-единственное, без соседей и спутников, как винное пятно на ска-терти. Оно подплывало медленно-медленно и очень низко, гораздо ниже грозовых облаков, и совсем не походило на облако. Я бы даже не сравнил его с дирижаблем. Скорее всего, оно напоминало кусок раскатанного на столе темно-розового теста или запущенного в небо большого малинового змея. И, странно подрагивая, словно пульсируя, шло наискось к земле, как живое.

— Медуза, — сказал мой дубль, повторяя мою же мысль, — живая розовая медуза. Только без щупалец.

— Не повторяй моих глупостей. Это вещество, а не существо.

— Ты думаешь?

— Как и ты. Посмотри получше.

— А почему оно вздрагивает?

— Клубится. Это же газ или водяные пары. Или не водяные. А может быть... пыль, — прибавил я неуверенно.

Малиновый змей остановился прямо над нами и начал снижаться. От нас его отделяло метров пятьсот, не больше. Дрожащие края его загибались вниз и темнели. Змей превращался в колокол.

— Дуб маврийский! — воскликнул я, вспомнив о кинокамере. — Снимать же надо!

И бросился к своей «Харьковчанке». Проверить, работает ли аппарат и в порядке ли кассета с цветной пленкой, было делом одной минуты. Я начал снимать прямо из открытой двери, прыгнув на лед и обежав спаренные снегоходы, нашел другой пункт для съемки. И тут только заметил, что

мое альтер эго стоит без камеры и растерянно наблюдает за моей суетней.

— Ты почему не снимаешь? — крикнул я, не отрываясь от видеоискателя.

Он ответил не сразу и с какой-то непонятной медлительностью.

— Не знаю. Что-то мешает... Не могу.

— Что значит «не могу»?

— Не могу... объяснить.

Я уставился на него, даже забыв об угрозе с неба. Вот наконец это различие! Значит, мы не совсем, не до конца одинаковые. Он переживает нечто, меня совсем не затрагивающее. Ему что-то мешает, а я свободен. Не задумываясь, я поймал его в объектив и запечатлел на фоне снегохода-двойника. На мгновение я даже забыл о розовом облаке, но он напомнил:

— Оно пикирует.

Малиновый колокол уже не опускался, а падал. Я инстинктивно отпрыгнул.

— Беги! — закричал я.

Мой новоявленный близнец наконец сдвинулся с места, но не побежал, а как-то странно попятился к своей «Харьковчанке».

— Куда? С ума сошел!

Колокол спускался прямо на него, но он даже не ответил. Я снова прильнул к видеоискателю: не упустить же такие кадры! Даже страх пропал, потому что творившееся передо мной было поистине неземным феноменом. Ничего подобного не снимал никогда ни один оператор.

Облако резко уменьшилось в размерах и потемнело. Теперь оно походило на опрокинутую чашечку огромного тропического цветка. От земли его отделяло метров шесть-семь, не больше.

— Берегись! — крикнул я.

Я вдруг забыл, что он тоже феномен, а не человек, и гигантским, непостижимым для меня прыжком рванулся к нему на помощь. Как выяснилось, помочь ему я все равно бы не мог, но прыжок сократил расстояние между нами наполо-

вину. Вторым прыжком я бы достал его. Но что-то не пустило меня, даже отбросило назад, словно удар волны или ураганного ветра. Я чуть не упал, но удержался, даже камеру из рук не выпустил. А чудовищный цветок уже достиг земли, и теперь уже не малиновые, а багровые лепестки его, диковинно пульсируя, прикрывали обоих двойников — снегоход и меня. Еще секунда — и они коснулись запорошенного снегом льда. Теперь рядом с моей «Харьковчанкой» возвышался странный багровый холм. Он словно пенился или кипел, окутанный переливающейся малиновой дымкой. Словно электрические разряды, вспыхивали в ней золотистые искорки. Я продолжал снимать, стараясь в то же время подойти ближе. Шаг, еще шаг... еще... Ноги наливались непонятной тяжестью, их словно гнуло, притягивало к ледяному полю. Невидимый магнит в нем как бы приказывал: «Стоп, ни с места! Ни шагу дальше». И я остановился.

Холм чуточку посветлел, из багрового опять стал малиновым и вдруг легко взметнул вверх. Опрокинутая чашечка разрослась, порозовевшие края ее медленно загибались вверх. Колокол превратился снова в змея, а розовое облако — в сгусток газа, клубящийся на ветру. Он ничего не унес с земли, никаких сгущений или туманностей не было заметно в его воздушной толще, но внизу на ледяном поле осталась только моя «Харьковчанка». Ее загадочный двойник исчез так же внезапно, как и появился. Лишь на снегу еще виднелись следы широченных гусениц, но ветер уже сдувал их, покрывая ровным пушистым одеялом. Скрылось и облако, пропало где-то за ребром ледяной стены. Я посмотрел на часы. Прошло тридцать три минуты с тех пор, как я, очнувшись, засек время.

Я испытывал необычное чувство облегчения от сознания того, что из моей жизни ушло что-то очень страшное, страшное по своей необъяснимости, и еще более страшное, потому что я уже начал привыкать к этой необъяснимости, как сумасшедший к своему бреду. Бред улетучился вместе с розовым газом, исчезла и невидимая преграда, не подпустившая меня к двойнику. Сейчас я беспрепятственно подошел к своему снегоходу и сел на железную ступеньку, не заботясь

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ АБРАМОВ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ
ВСАДНИКИ НИОТКУДА
ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Полина Дроздовская, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.08.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-36642-01-R